

няя мысль Лейбница, высказанную в одном из его писем: «Настоящее всегда чреватое будущим».

Включенность человека во временной поток составляет его особенность как существа мыслящего и социального в отличие от животного, целиком прикрепленного своими чувственными инстинктами к настоящему. Эту мысль Гердер развивает в трактате «О происхождении языка» (*Vom Ursprung der Sprache*, 1772). В те же годы, в наброске к сочинению «Пластика» (оконч. редакция — 1778 г.), Гердер подчеркивает связь чувственного восприятия (осозания) с настоящим: «Мир осозающего — это только мир непосредственного настоящего». Таким образом, наряду с линейно обозначенной системой трех временных плоскостей — прошедшего, настоящего, будущего, скрепленных каузальной связью, вырисовывается и противоположение — настоящее и не-настоящее (то есть прошедшее и будущее) как отражение двойственной природы человека — чувственной и рефлектирующей. Восприятие настоящего, ограниченное непосредственным наблюдением («чувственным» в широком смысле слова, т. е. эмпирическим), если оно не опирается на осознание прошлого и предвидение будущего, неизбежно остается обедненным и прагматичным. Восприятие прошлого по модели настоящего, иными словами, модернизация истории, по мысли Гердера, один из главных пороков современной исторической науки.

Свою собственную эпоху Гердер считает итогом (*Werk*) шести тысячелетий, но отнюдь не усовершенствованием (*Vervollkommnung*) в «ограниченном, школьном смысле слова». Поэтому для него неприемлемы и те оценки и толкования, которые навязываются отдаленным эпохам с точки зрения современности. «В известном смысле всякое человеческое совершенство национально, обусловлено своей эпохой и, если присмотреться ближе, индивидуально... Нация может обладать, с одной стороны, самыми высокими добродетелями, а с другой — недостатками, допускать исключения, обнаруживать противоречия и неясности, которые способны привести в изумление — но лишь того, кто вынес идеальный силуэт добродетели из учебников своего века и достаточно понаторел в философии, чтобы стремиться найти вселенную на ничтожном клочке земли».¹⁶

Эта скептическая оценка нормативного подхода к истории, характерного для просветительской концепции прогресса, касается, разумеется, и эстетической критики художественной культуры прошлого. «Лучший историк античного искусства Винкельман, — пишет Гердер, — явно судил о произведениях египетского искусства по греческой мерке и, следовательно, охарактеризовал их очень верно с отрицательной стороны, но так мало сумел показать их собственную природу и характер, что почти в каждом положении этой главы явственно выступает односто-

¹⁶ Ibid., S. 305—306.